

Люди имеют право на хорошую архитектуру

Международный день архитектора отмечается в первый понедельник октября. В день профессионального праздника несколько вопросов Евгению АССУ — практикующему архитектору, вице-президенту Союза московских архитекторов, профессору МАрХИ — задала обозревателю «Известий» Ольга КАБАНОВА.

— Все чаще приходится слышать, что архитектура перестала иметь отношение к искусству, это — бизнес. Архитектор должен удовлетворять потребности заказчика, и только.

— У архитектуры много функций, и их трудно разделить. Здесь и политика, и экономика, но для меня архитектура остается искусством, хотя не всегда оправдывает свое предназначение.

— Не могли бы вы назвать несколько новых произведений искусства архитектуры?

— Из самых последних — здание офиса Roshe в Базеле Герцге и Де Мерона и отель Жана Нувеля в Люцерне.

— Работы Нувеля всегда артистичны и эффектны, а вот за что чтут модных швейцарцев, я, признаюсь, не понимаю. У них нет ничего, кроме сухой геометрии.

— Их искусство очень тонкое, оно волнует соотношением плотного и прозрачного, вибрацией фактур, тонкостью колористики. Я получаю огромное удовольствие от того, что нахожусь там, вижу это, трогаю. Это особый вид удовольствия, как для гурмана — сигара или сыр, который для других сырьем пахнет. Тут дело в особом переживании пространства, формы, материала, детали, что, как и в любом искусстве, требует ответственности художника и встречного движения зрителя.

— Но такую архитектуру у нас не заказывают.

— Просто мы живем в другой культуре, где нет традиции тонкого чувствования: у нас ни абстрактное искусство, ни минимализм не укоренены, хотя здесь и зародились. Я могу это понять, но не могу пережить. Но есть и другие художественные факты архитектуры, есть Даниэль Либерскинд, есть Фрэнк Гери. Архитектура в современном мире — действительно большой бизнес, где крутятся огромные деньги. Но коммерческая архитектура не с неба падает, она адаптирует высочайшие образцы.

— Веками именно архитектура определяла стиль эпохи. Термин «постмодернизм», определяющий культуру конца прошлого века, был придуман именно для архитектуры. А что сейчас?

— Что именно в современной архитектуре становится модным продуктом — это новая культурная проблема. Моду на архитектуру нельзя придумывать так же часто, как на одежду. В информационную эпоху архитектура не обладает такой насыщеннос-

тью фактами, как другие медиа, она подтягивается за телевидением, рекламой, модой. Можно говорить, что архитектура сегодня не является носителем основных стилевых параметров. Но можно ли вообще в наше время говорить о стиле — или только о быстро меняющихся пристрастиях и привязанностях?

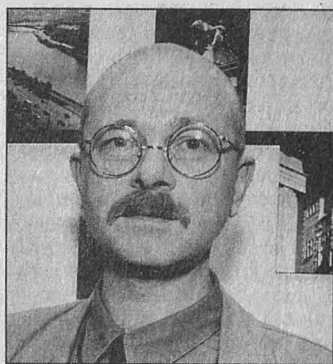
— Давайте перейдем от архитектуры к архитекторам. У наших и западных разные проблемы?

— Существенно. Начнем с того, что на Западе ценность профессии архитектора глубоко укоренена в культуре. Там вообще больше ценится профессионализм, и профессионалу делегируются определенные полномочия. Поэтому и захаарства там нет. У русского архитектора проблем очень много, начиная со слабой законодательной базы, необходимой для исполнения его обязанностей. Он ни в чем не уверен: сможет ли провести свою работу через бюрократические рогадки, выполнит ли ее так, как она была задумана, хватит ли на это средств, получит ли он обещанное вознаграждение за свой труд. Кроме того, часто архитектор вообще не знает, что хочет сказать своей работой, даже не задумывается над этим. Это видно по результатам.

— Для меня давняя загадка, почему общество так мало реагирует на архитектуру. Ведь кино и телевизор можно не смотреть, книгу не читать, а новый дом останется перед глазами на всю жизнь.

— Возможно, до сих пор сохранилось советское убеждение, что архитектура ниспослана государством и она не обсуждается. Утерян навык ее понимания. Люди смотрят на новый дом с московской абракадаброй и говорят, что он красив. Но надо перевести глаза на другой дом, например, начала XX века, и увидеть, что там и пропорции лучше, и материал, и детали тоньше. Это вопрос не образования или вкуса, а элементарной зоркости. Люди имеют право на хорошую архитектуру — они живут рядом с ней и не должны быть ею оскорблены.

— Вы принимаете активное участие в организации профессионального конкурса «Золотое сечение» на лучшие произведения московских архитекторов. Но он существует параллельно столичной реальности. У вас с властями города разные представления о хорошей архитектуре.

— Архитекторы, безусловно, обращают внимание на конкурс и его результаты, как и руководство Москомархитектуры. Что касается городских властей, то у нас нет других способов на них влиять.

— Провинциальность советской архитектуры объясняли закрытостью границ. Теперь наши архитекторы много ездят и видят, в том числе и работы признанных авторитетов, но проектируют все равно по-своему.

— Ох, тема русского человека за границей хорошо описана в русской литературе. Или он там остается, или возвращается и живет по-прежнему. Все равно, думает, у нас никогда, как там, не будет. И вообще, это не профессиональная, а экзистенциальная проблема: русский заказчик архитектуры (а это так или иначе все мы) не до конца понимает смысл собственной жизни.

— А западный понимает смысл жизни?

— Существует американская мечта — она понятна. Существует идеал английской жизни со своим домиком на стриженном газоне. А в России этот идеал не сложился ни у отдельного человека, ни у общества. Тот идеал, который мы исповедовали в советское время, не предусматривал ответа на вопрос, как жить тебе лично, корпорации, городу.

— И последнее. 11 сентября стало началом отсчета нового века и пересмотра старых ценностей. Для некоторых разрушение небоскребов — еще и символ полного крушения архитектуры модернизма.

— Удар был нанесен именно по Всемирному торговому центру, а не просто по небоскрегам. Я рассматривал эти здания как несомненный шедевр мировой архитектуры. Буквально за несколько дней до трагедии обсуждал с коллегами проблему парности в архитектуре. Это ведь уникальное явление, когда рядом стоят два совершенно одинаковых дома. Гениальности решения Минору Ямасакэ именно в том, как и где он их поставил. Все было сделано очень тонко.